

Линь Цзяэр плеснул себе пива. Холодная, подернутая инеем влага скользнула в горло, оставляя на языке колючую ледяную горечь.

Пивной вкус его не прельщал, но и отторжения не вызывал — так, баловство, когда выпадал редкий случай выбраться в свет и пропустить бокал-другой за компанию.

В баре царила суэта и стоял оглушительный гул. На сцене одна за другой сменялись пестрые группки поющих и пляшущих завсегдатаев. Наскучив этим зрелищем, Цзяэр лениво откинулся на спинку мягкого дивана.

Ему претило это заведение с его вечным угаром, где в удушливом воздухе клубились и сталкивались десятки чужих, хаотичных аур. От этой мешанины запахов и энергий внутри зрело глухое раздражение. Обостренный с детства слух и чуткий нюх в подобных вертепах становились проклятием — долго находиться здесь было попросту невыносимо.

Минуты лениво катились прочь. Цзяэр неотрывно гипнотизировал взглядом закрытую вип-кабину. Перед глазами вновь встал тот дневной мерзавец — точнее, та леденящая, сокрушительная мощь, что хлынула от него, стоило ему обернуться. То ли легкий хмель ударил в голову, то ли сказывалась природа ночного охотника, делавшая его с наступлением сумерек вдвойне бодрее, но в груди сладко заныло от азарта. Он медленно облизал кончики острых клыков. В полумраке его зрачки сузились в тонкие щелочки, наливаясь призрачным зеленым свечением. Так затаившийся зверь высматривает неосторожную дичь.

Высокий мужчина, едва покинув салон автомобиля, словно повинувшись шестому чувству, замер на пороге. Он вскинул голову, окинув взглядом сияющие неоновыми иероглифы вывески «Ночной пейзаж», и столь же невозмутимо двинулся дальше. На долю секунды ему почудилось, будто за ним пристально следит какой-то дикий зверь.

Стоило ему переступить порог, как к нему приковались десятки глаз. Но в отличие от бесстрашного Цзяэра, случайные зеваки отводили взор в ту же секунду — испуганно, даже не успев разглядеть его лица.

Его аура, тяжелая и сокрушительная, буквально дышала неприкрытой угрозой. Одного мимолетного присутствия этого человека хватало, чтобы у присутствующих проснулся первобытный инстинкт самосохранения, заставляя их поспешно тупить взоры.

Ни единая душа не решилась навязать ему знакомство. Люди инстинктивно расступались перед ним, безмолвно и поспешно освобождая дорогу, стоило ему сделать шаг.

Внезапное появление гостя вызвало тихий переполох среди тех, кто тайно следил за залом. В полумраке звякнул разбитый бокал, кто-то из соглядатаев едва не сорвался со своего поста за опорной колонной, а солист на сцене, добравшись до припева, от неожиданности сорвал голос на октаву вверх. Сидевшие внизу зрители дружно вздрогнули, точно от резкого сквозняка.

Наблюдатели ошалело переглядывались.

«Мать твоя женщина, какого хера здесь делает Глава клана?! И рожа у него чернее тучи! Что за шухер? Неужели они где-то знатно облажались, или в заведении затаился враг посерьезнее?»

Словно уловив направленное на него внимание, мужчина мазнул по залу ледяным, придавливающим к земле взглядом. Поняв, что сдали себя с потрохами, соглядатаи судорожно уставились в свои стаканы и тарелки, пытаясь изобразить крайнюю занятость.

Сорвавшийся визг вокалиста заставил Линь Цзяэра поморщиться. Он поднялся с дивана, бросил короткий взгляд на вип-ложу и повернулся к другу:

— Хао-цзы, ну и духота здесь. Пойду в уборную, освежусь малость, а ты пока пригляди за кабинетом.

Ван Хао понимающе кивнул, но тут же спохватился:

— Слышь, Цзяэр, а у тебя мобила случайно не села?

— Села. А что такое?

— погоди секунду, у меня кое-что есть. — Ван Хао согнулся в три погибели, копаясь в своем рюкзаке, и выудил крошечную черную капсулу, смахивающую на беспроводной наушник. — Держи. Рация. Специально раздобыл для дела. Кто же знал, что и впрямь сгодится.

У Линь Цзяэра невольно дернулся глаз. Он забрал наушник.

— Ну ты и перестраховщик.

Стоило Цзяэру скрыться из виду, как мимо столика неторопливо проследовал давешний незнакомец. Проходя мимо, он на секунду притормозил и мазнул по Ван Хао ленивым, ничего не выражающим взглядом. У парня мгновенно волосы дыбом встали по всему телу. Он оцепенел, не смея даже вдохнуть — так кролик замирает под тяжелым взглядом матерого волка.

Лишь когда тяжелые шаги незнакомца затихли вдали, Ван Хао шумно выдохнул скопившийся в легких воздух.

— Мама дорогая, это еще что за монстр?..

Договорить он не успел. Боковым зрением парень уловил движение на втором ярусе — дверь

вип-кабины наконец распахнулась. Оттуда потянулась развеселая компания, в центре которой ковылял их подопечный. Судя по всему, тот успел накачаться до полусмерти: рожа так и горела пьяным румянцем, воротник рубахи был расхристан, а пара ярких следов от помады на щеках наглядно демонстрировала, какими именно делами он там занимался.

Выйдя из кабинки к умывальникам, Линь Цзяэр обильно плеснул в лицо холодной водой. В ту же секунду крошечный наушник взорвался резким шипением статики. Сквозь треск прорывался прерывистый голос Ван Хао — слов почти не разобрать, но время для связи друг выбрал однозначное. Сомнений не оставалось: ублюдок созрел для выхода.

Линь Цзяэр мигом стряхнул остатки лени. Вытерев лицо рукавом, он быстрым шагом направился в зал, на ходу отрывисто шепча в микрофон:

— Хао-цзы, стой на месте! Без меня не дергайся, этот тип непрост!

Но дешевая аппаратура не справлялась с грохотом басов: на другом конце провода Ван Хао принимал лишь рваные куски фраз, тонущие в белом шуме. Полноценной связи не вышло.

Когда Цзяэр протиснулся обратно к их столику, диван уже пустовал. О недавнем присутствии друга напоминал лишь брошенный на сиденье плотный бумажный пакет.

Внутри обнаружился весьма недвусмысленный набор: тяжелая телескопическая дубинка и сложенный в несколько раз объемистый холщовый мешок. Времени на раздумья не оставалось. Линь Цзяэр сгреб пакет в охапку и ринулся на поиски.

Сделав буквально пару шагов, он резко замер и вскинул голову. Из глубины одной из вип-лож второго яруса потянуло чем-то зловещим — густым, удушливым шлейфом, в котором отчетливо читался едва уловимый медный запах свежей крови. Но внизу никто ничего не замечал: опьяненная алкоголем и грохотом толпа продолжала самозабвенно бесноваться на танцполе.

Лезть в чужую грязную заваруху Цзяэр не планировал — у него и своих забот хватало, да и дурная башка Ван Хао могла в любую секунду угодить в петлю. Парень трезво оценивал шансы друга: если Хао-цзы сунется к тому жуткому мужику в одиночку, его раскатают в тонкий блин за долю секунды. Слишком уж велика была разница в силе. Нужно было срочно перехватить этого идиота, пока он не нажил себе преждевременных похорон.

И тут в толпе мелькнула высокая широкоплечая фигура. Зрачки Цзяэра мгновенно сузились.

Он! Этот чертов монстр до сих пор терся здесь!

Цзяэр вперил хищный взгляд в удаляющуюся спину мужчины, в полумраке его глаза вновь на секунду полыхнули колдовской зеленью. Но раз этот тип ошивается тут, где тогда носит Ван Хао?

Он вновь зашептал в рацию. Сквозь треск помех наконец донеслось глухое, но вполне разборчивое сопение — судя по всему, Хао-цзы еще не наделал глупостей и сидел в засаде, целехонький и невредимый.

Слегка успокоившись, Цзяэр вновь перевел взгляд на удаляющуюся мощную фигуру незнакомца. Пальцы в кармане нащупали прохладный стеклянный флакончик. Ладно, план меняется. Придется увести этого опасного зверя подальше от людных мест, туда, где никто не помешает теплой встрече.

Цзяэр не заметил, что стоило ему вперить свой слишком уж выразительный взгляд в спину незнакомца, как широкие плечи того на долю секунды каменно напряглись — едва уловимо, после чего мужчина как ни в чем не бывало продолжил свой путь.

Смешавшись с праздной толпой, Цзяэр бесшумной тенью скользнул следом. Объект двигался точь-в-точь по намеченному сценарию: миновал тяжелые двери клуба и уверенно свернул в сторону глухих, тонуших во мраке переулков.

«Сами боги мне помогают!» — мысленно ухмыльнулся Цзяэр и прибавил шаг, ступая мягко, по-кошачьи.

Походка у него и впрямь была бесшумной — сколько себя помнил, он вечно до смерти пугал окружающих своим внезапным появлением из ниоткуда. Тот же Хао-цзы не раз в сердцах плевался, жалуясь, что Цзяэр передвигается как бесплотный дух.

Сейчас же, когда он намеренно затаил дыхание и ступал лишь на носочки, его присутствие стерлось окончательно. Парень буквально растворился в ночной прохладе, слившись с густыми тенями подворотен.

Шагавший впереди мужчина неувовимо расслабился, а его суровый облик потеплел. Едва этот жадный взгляд впился ему в лопатки, как сердце забило чаще — слишком знакомым было это чувство. Точно так же его ненаглядный Белыш таился в засаде, прежде чем прыгнуть к нему на плечо. В целом мире лишь его ласковый зверь смел так нагло и безбоязненно буравить его взглядом.

Линь Цзяэр скользнул взглядом по глухому тупику. Мужчина шел вразвалочку, подставив преследователю абсолютно незащищенную спину. Глаза парня торжествующе блеснули.

«Попался, голубчик!»

Даже если этот шкаф лишь притворялся легкой добычей, заманивая его в ловушку, отступить было поздно. Цзяэр мягким движением извлек из кармана маленький флакон красной глазури и легким щелчком распылил по ветру щепотку тончайшей пудры. Снадобье оказалось воистину чудесным: ни цвета, ни запаха — оно мгновенно растворилось в сыром воздухе переуллка, став невидимым.

Почти в то же мгновение широкий силуэт впереди заметно покачнулся. Самому Цзяэру отравы вреда причинить не могла — он предусмотрительно заглотил противоядие еще на выходе из душного бара.

«А ведь не соврал поделщик, — восхитился Цзяэр. — Работает без осечки, прямо на глазах валит!»

Мужчина мгновенно почуял неладное: тело налилось свинцом, колени предательски подогнулись. Стоило ему на долю секунды потерять равновесие, как сверху рухнула непроницаемая тьма — на голову сзади набросили плотный мешок. Следом прилетел глухой, увесистый удар дубинкой по затылку. В голове словно взорвалась сверхновая, рассыпавшись мириадами колючих звезд. Проваливаясь в беспамятство, он вяло сообразил, что его опоили каким-то мощным зельем. Сознание стремительно угасало, но даже сквозь липкий бред этот сонный морок показался ему до безумия знакомым.

Мужчина яростно скрипнул зубами. Ему еще никогда в жизни не доводилось оказываться в столь глупом, унижительном положении. Кто этот ублюдок?! Откуда он, черт возьми, прознал про его слабости и так подло использовал образ Бельши, чтобы усыпить бдительность? Сердце сжалось от панической мысли: неужели его пушистый шельмец попал под чужой контроль? Ведь Бельш никогда бы добровольно не сговорился со сторонним проходивцем, чтобы предать своего человека. Отчаянная тревога за безопасность питомца жгла изнутри, но онемевшие конечности окончательно перестали слушаться.

«Кто это, вашу мать?! Кто?!»

«Только попадись мне в руки, тварь... живьем сдеру шкуру!»

Тем временем за пределами переулочка его подчиненные, которые от страха перед внезапной ревизией пахали аки проклятые, внезапно синхронно вздрогнули от пробежавшего по спинам ледяного сквозняка. Словно на них пахнуло первобытной, удушающей яростью Главы клана.

«Да ну, бред... Показалось, точно показалось!» — поспешно успокоили они себя.

Цзяэр и понятия не имел, какая буря бушует сейчас в душе обычно холодного и расчетливого мужчины, чьи остатки мыслей плавались в бешеном гневе.

Сама расправа — накинуть мешок, приложить дубинкой — заняла у Линь Цзяэра от силы секунду. Он сработал так чисто, стремительно и ловко, словно промышлял подобным гоп-стопом всю сознательную жизнь.

Линь Цзяэр победно покругил вокруг своей тушки. Кулаки так и чесались разукрасить рожу этому ходоку, но внутренний голос — тот самый спасительный инстинкт, помогавший выживать в самых диких переделках — настойчиво нашептывал:

«Не трогай его, парень. Если сорвешься — огребешь такие проблемы, что костей не соберешь».

Но и оставлять негодяя безнаказанным тоже не хотелось — надо же как-то поквитаться за обиды Мяомяо! Ладно, решено: пускай сперва Хао-цзы нарисует. В конце концов, он ей родной брат, вот пусть сам и отводит душу, махая кулаками.

Цзяэр развел руками: долг дружбы он выполнил сполна, дальше пускай сами крутятся. Хотя, надо признать, на душе у него было как-то беспокойно. В груди ворочалось странное, зудящее чувство вины, которое он изо всех сил старался игнорировать.

Впрочем, если бы не присланный подельником «Упоительный порошок весеннего ветра десяти ли», черта с два он бы завалил этого лося. Вернется домой — надо будет обязательно проставиться и нормально отблагодарить парня за такую чудо-химию.

Линь Цзяэр присел на корточки перед бесформенной кучей холста. Кряхтя от натуги, он попытался взвалить безжизненное тело себе на закорки:

— Да чтоб тебя... Ну и туша! С виду вроде поджарый, а тяжелый — прямо чугунный мост. Из свинца его там отливали, что ли?

Устав возиться, он с досадой отвесил мешку звонкий шлепок. Ладовонь угодила точнехонько туда, где под грубой тканью скрывалась точеная физиономия незнакомца.

Даже сквозь липкий сонный бред мужчина отчетливо почувствовал это издевательство. Гнев вспыхнул с новой силой, а в воздухе вокруг него словно закружились ледяные иглы, мгновенно понизив температуру в тупике.

«Ах ты тварь... Значит, чугунный мост, да?»

Цзяэр предпринял вторую попытку. С грехом пополам он все-таки взгромоздил бесчувственную махину на плечи, но едва попытался выпрямить колени, как влажная ткань выскользнула из пальцев.

Раздался сочный хруст — туша с глухим стуком рухнула обратно, приложившись физиономией прямо о грязную землю.

Цзяэр зябко поежился и обхватил себя руками за плечи.

— Эк сквозняком-то потянуло... С чего бы вдруг так похолодать?